

Оу Цзэжуй только вошел в класс, как Яцин тут же обошла вниманием двух ослепительных парней, выхватив взглядом лишь того, кто причинил ее сестре столько боли.

— Я еще ничего тебе не приказал, а ты уже бранишься, — недовольно надул губы стоявший рядом Му Чэньюэ.

— А ну заткнись, не тебя отчитываю. — С этими словами Яцин закатала рукава и, снедаемая гневом, решительно двинулась вперед.

— Эй, ты чего удумала, с кем это подраться надумала? Без моего согласия не смей! — Узрев внезапно вспыхнувшую Яцин, Му Чэньюэ в два счета схватил ее за руку.

— Яцин, сядь. — Вайфая даже не представляла, что этот негодяй Оу Цзэжуй посмеет заявиться сюда!

— Фэй-Фэй, но он... — выпади у нее сейчас хоть малейшая возможность, она бы непременно отделала Оу Цзэжуя по первое число.

— Знаю. Предоставь это мне. — Настроение Бай Яфэй впору было сравнивать с извержением вулкана. Правда, пока что лишь с его преддверием.

— Угу. — Бросив взгляд на Бай Яфэй, та беспомощно кивнула. Она здесь всего лишь посторонний наблюдатель: раз сама Бай Яфэй еще ничего не предприняла, лезть на рожон и впрямь было бы лишним.

— Яфэй, ты все еще сердишься на меня?

— Оу Цзэжуй, прекрати со мной любезничать. — Это были самые холодные слова, брошенные Бай Яфэй за последние два дня.

— Хватит дуться, прошло уже два дня, могла бы и остыть, — мягко улыбнувшись, проговорил Оу Цзэжуй.

— По-твоему, у тебя еще осталось право произносить эти слова? — В былые дни Бай Яфэй непременно висела бы у него на шее. Но теперь, разглядев истинное лицо этого человека, она не станет настолько глупа, чтобы добровольно вкушать некогда испитую горькую полынь.

— Знаю, в тот день был неправ я. Теперь я приложу все усилия, чтобы быть рядом — до тех пор, пока ты не простишь меня.

— Да она в тебе вовсе не нуждается.

— Разве ты не слышал ее только что?

Му Сяньчэнь и Цзи Юйянь заговорили одновременно. Об Оу Цзэжуе Му Сяньчэню было известно. Впрочем, после слов, которыми обменялись Бай Яфэй и Оу Цзэжуй, Цзи Юйянь тоже кое в чем разобрался.

— Малышка Фэй-Фэй, я опоздал. — Слегка улыбнувшись, Му Сяньчэнь холодно покосился на Оу Цзэжуя, открыто демонстрируя затаенную в глазах жажду убийства.

— Фэй-Фэй, я тоже опоздал. — Его изумрудные глаза напоминали пару кошачьих — стоило в них взглянуть, и казалось, что эта зелень способна затянуть тебя без остатка. Вчера в тени он разглядел лишь красоту этого мужчины. Однако сегодня юноша обнаружил, что тот выглядит поистине пленительно. Настоящий демон! На первый взгляд — этакий расчетливый и коварный тип. Сюрприз — трое переведенных учеников [3].

Панковское примечание автора: тат, дело не в том, что я не хочу раскрывать имя главного героя, просто я сама понятия не имею, кого назначить на эту роль. Девочки, подкиньте идею. Выберите для нашей крошки кого-то из троих: Му Сяньчэня, Цзи Юйяня или Хуашан Муяня.

Неужели число рекомендаций все еще не перевалило за 915?

— Фэй-Фэй, я тоже опоздал.

— Рядом со мной столько людей, неужели ты думаешь, что ты мне нужен? — Бай Яфэй небрежно положила ладонь на руку Цзи Юйяня.

Му Сяньчэнь глубоко нахмурился. В прошлый раз, сочтя Бай Яфэй слишком юной, он решил подождать, пока она подрастет, прежде чем открывать свои чувства. Но пока он ждал, его крошка невольно оказалась в руках другого. На сей раз он обязан проявить инициативу, чего бы это ни стоило! Иначе этот Цзи Юйянь снова уведет у него Яфэй!

Его вишневые губы изогнулись в дерзкой усмешке, а на дне изумрудных глаз таилось бездонное очарование.

— Что бы ты ни говорил сейчас, я не поверю ни единому слову. Я знаю, в твоём сердце по-прежнему есть место для меня. — Глядя, как она вкладывает ладонь в руку другого мужчины, Оу Цзэжуй ощутил удушающую боль. Она была сильнее той, что он испытал, заявляя Бай Яфэй о расставании. Но теперь, оглядываясь назад, казалось, что все уже кончено, все безвозвратно упущено. И тем не менее его сердце, он и сам это понимал, вечно принадлежало одной лишь Бай Яфэй.

— И это все, на что ты способен? — Уголки губ Му Сяньчэня тронула насмешливая улыбка. Возможно, в глазах обычных женщин Оу Цзэжуй и хорош собой. Вот только здесь он — всего

лишь заурядный парень. Будь то увиденное вчера или сегодняшнее в стенах школы — включая Хуашан Муяня, Му Чэньюэ, Е Чулина и вызывающего у него ныне сильнейшую антипатию Цзи Юйяня, — разве нашелся среди них хоть кто-то, кто уступал бы этому напыщенному индюку?

— Ха, тогда я докажу тебе, осталось ли в моем сердце место для него. — Алые губы безошибочно прильнули к манящим устам сидевшего ближе всех Цзи Юйяня.

Цзи Юйянь даже сообразить ничего не успел. Опешив на пару секунд, он не стал скрывать лукавой искры в уголках глаз. Языком он легко провел между жемчужных зубов Бай Яфэй. Столкнувшись со столь внезапным напором, Цзи Юйянь без малейших колебаний перехватил инициативу.

Черт побери! Поначалу казалось, что Цзи Юйянь — самый женоподобный из всей этой компании, так с какой стати он вдруг перешел в наступление? Соблазнить ее вздумалось? Да с чего он вообще решил выбрать именно ее! Знала бы — выбрала Му Сяньчэня, тот наверняка протупил бы до самого конца, не успев и глазом моргнуть. Но теперь приходилось нести этот груз дальше.

Почти все присутствующие в классе остолбенели, наблюдая за этой сценой.

Хруст. Хруст. Слух не обманывал: это действительно трещали суставы пальцев Му Сяньчэня.

Какого черта, и с каких это пор они успели? Яцин сглотнула слюну. До чего же жуткая картина.

С чего бы Яцин делать такое лицо? Неужели она и впрямь равнодушна к этой девчонке по имени Бай Яфэй? В голове Му Чэньюэ одна за другой крутились эти двусмысленные фразочки. Сюрприз — трое переведенных учеников [4].

Спустя какое-то время Цзи Юйянь наконец соизволил отпустить бедную крольчишку. Довольно облизнув губы, он мысленно оправдался: винить тут нечего, она сама на него бросилась.

Но опешила вовсе не Бай Яфэй. Напротив, перед лицом бывшего возлюбленного необходимо было сохранить невозмутимость. Это называется хладнокровием.

— Цзи Юйянь! — Голос сочился яростью. И исходил он, разумеется, не от Бай Яфэй, а от Му Сяньчэня. И безмозглому понятно, что этот тип сделал всё нарочно.

— А? — С видом полнейшего невинного ангелочка Цзи Юйянь повернулся к Му Сяньчэню, словно ничегошеньки не произошло.

— Да как ты посмел!

— М? — Наклонив голову, Цзи Юйянь высунул язык и провел им по губам, будто намеренно дразня Му Сяньчэня.

— Оу Цзэжуй, ты видел? — Скрестив руки на груди, Яфэй приняла надменную позу. После недавней бурной страсти ее губы слегка припухли, став еще более соблазнительными.

Му Сяньчэнь со злостью сжал губы и направился к свободному месту, располагавшемуся ближе всего к Бай Яфэй. И надо же было такому случиться — это оказалось место Хуашан Муяня!

В этот момент в классе разбились вдребезги сердца бесчисленных юношей и девушек. Исключением стал лишь Оу Цзэжуй, чье сердце разрывалось от боли. Му Сяньчэнь любил Бай Яфэй ничуть не меньше Оу Цзэжуя, но он-то прекрасно понимал, что выходка девушки — всего лишь игра на публику. Счастливее всех чувствовал себя разве что Цзи Юйянь.

— Мой принц... Ах, он только сегодня перевелся к нам, и уже — уже принадлежит другой!

— Почему эта девчонка такая противная, едва появившись, охмурила столько парней! Мой принц!

— Ах... Моя принцесса, моя принцесса! Вчера к нам с таким трудом перевелась красавица, а сегодня она уже льнет к чужой груди!

— Ох-хо-хо... — класс затопило хоровое рыдание.

Раздался грохот — дверь класса с громким стуком распахнулась. К счастью, качество древесины оказалось отменным, иначе створки развалились бы на куски.

— У нас ведь еще есть молодой господин Муянь и молодой господин Е! — Заприметив вошедших, несколько фанаток мгновенно ожили.

— Что здесь происходит? — Окинув взглядом усыпанный бумажными салфетками класс, Е Чулин растерялся. И с чего это его угораздило притащиться в школу вместе с Муянем?

— Понятия не имею. — Тот покачал головой и, заметив, что все взгляды прикованы к месту Бай Яфэй, тоже посмотрел в ту сторону. Слегка припухшие губы бросались в глаза издали. Какого черта эта девчонка вытворяла?

Не желая обращать внимание на зевак, Муянь направился напрямик к своей парте.

— Ты занял чужое место, — раздался чистый, словно лепесток лотоса, голос.

Глядя на стоявшего перед ним юношу, столь же благородного и отрешенного, как цветок лотоса, даже Му Сяньчэнь не смог проигнорировать исходившую от него аристократическую ауру. Слегка качнувшись, Му Сяньчэнь промолвил: — Теперь это место принадлежит мне, поищи себе другое. Внезапное отравление [1].

Глядя на стоявшего перед ним юношу, столь же благородного и отрешенного, как цветок лотоса, даже Му Сяньчэнь не смог проигнорировать исходившую от него аристократическую ауру. Слегка качнувшись, Му Сяньчэнь промолвил: — Теперь это место принадлежит мне, поищи себе другое.

Он и так был не в духе, а тут подвернулся отличный повод с кем-нибудь сцепиться. К тому же он точно рассчитал, что этот парень обладает достаточной квалификацией, чтобы с ним померяться силами.

— Тсс... Боже мой, Му Сяньчэнь, он что, прямо сейчас бросает вызов молодому господину Муяню?

— Нас ждет классное зрелище.

— Разве молодой господин Сяньчэнь не влипнет в грандиозные неприятности? Молодой господин Муянь невероятно силен, он даже круче принца Юэ и принца Е.

— Ох... Быть не может! Мой кумир!

Весь класс снова благополучно выбросил из головы предыдущую драму.

— Эй, ты чего молчишь? Согласен уступить мне место — кивни, хорош прикидываться немым.

— К этому парню у него и впрямь проснулся интерес. Во взгляде незнакомца читалось лишь природное высокомерие, а каждое движение и слово казались доведенными до абсолютного совершенства. Но не слишком ли он задирает нос?

— Я просто думаю, с чего это он позволил тебе сесть сюда? — Муянь имел в виду маленькую белую змейку. Едва слова затихли, как змейка молниеносно вонзила клыки в руку Му Сяньчэня.

— Какого черта, что это за монстр? — Лицо юноши резко переменилось. Крошечная белая змейка с невероятной скоростью ускользнула и обвилась вокруг запястья Муяня.

Му Чэньюэ и Е Чулин синхронно отшатнулись на два шага назад, а их лица поочередно покрывались то бледными, то синюшными пятнами.

— Сяньчэнь!

— Му Сяньчэнь!

Бай Яфэй и Яцин вскочили как по команде. Каких только ядов они не пробовали, какие только испытания не проходили, но тварь, способная за столь короткое время изменить лицо Му Сяньчэня до неузнаваемости, внушала им неподдельный ужас.

— Пустяки, давай противоядие. — Зажав пострадавшее место рукой, Му Сяньчэнь сквозь зубы превозмог боль и повернулся к Муяню. Проклятый гад! И как этот заносчивый сноб додумался завести такую пакость?

— Она лишь временно притупит действие яда. Только временно. — Бросив ему маленькую пилюлю, Муянь произнес это с абсолютно невозмутимым видом.

— Что будет, если обойтись без противоядия?! — Лицо Бай Яфэй почернело от гнева. Поймав пилюлю, она разломила ее пополам и затолкала Му Сяньчэню в рот.

— Если выпить лишь половинку противоядия, яд распространится с новой силой, — не удержавшись, вставил свои пять копеек Му Чэньюэ, наблюдая за действиями Бай Яфэй.

— Не продержится и трех дней — сыграет в ящик. Впрочем, судя по его иммунитету, дней семь он, пожалуй, протянет, — прикинув в уме, изрек Е Чулин, загибая пальцы.

— Выкладывай противоядие, не то заставлю пожалеть! — Игнорируя обоих, Бай Яфэй стояла мрачнее тучи. Му Сяньчэнь был одним из самых дорогих ей людей. Она ни за что не допустит, чтобы с ним... Внезапное отравление [2].

— Выкладывай противоядие, не то заставлю пожалеть!

— Противоядия у меня нет. — И он не лгал: никакого заготовленного противоядия от укуса белой змейки в природе не существовало. Тем более что этот наглец уселся на его место без спроса — тут уж винить некого.

— Скажи, где его раздобыть. — Прищулив глаза, Бай Яфэй окутала класс опасной аурой. Девушка чувствовала, как температура тела Му Сяньчэня стремительно падает. На нее накатила невиданная доселе паника.

— Долина Карлис. Яд самки серебряной змеи. И ее желчный пузырь. — Находившаяся у него на руке серебряная змейка была его смертоноснейшим оружием, и выдавать тайну противоядия кому бы то ни было он не собирался, но обстоятельства вынудили его заговорить.

— Яд? Что за змея у тебя на руке? — Использовать змеиный яд в качестве противоядия ей доводилось слышать впервые.

— Карлисская серебряная змея. — Змейка на его запястье и впрямь принадлежала к этому виду. Только...

— Тогда просто вырежи ее желчный пузырь! Раз уж они обе серебряные, к чему тащиться в Долину Карлис?

— Моя — самка, от нее толку ноль! — Если укусивший самец, требовался яд и желчный пузырь самки, но если укусила самка — непременно подавай яд и желчный пузырь самца.

— Тогда отправляйся со мной в Долину Карлис! — Бай Яфэй была на грани истерики: температура тела Му Сяньчэня упала настолько, что ничем не отличалась от показателей покойника.

— Я тоже еду. — Коснувшись тела Му Сяньчэня, Яцин тут же отдернула руку. Мать честная, тварь, способная довести Му Сяньчэня до такого состояния, явно не из простых.

— Долина Карлис находится в Англии. Дорога туда и обратно на самолете займет минимум неделю, а через три дня он уже отбросит конки. К тому же вероятность обнаружить там серебряную змею не превышает двадцати процентов — во всей Долине Карлис едва ли наберется десятков особей. И вдобавок ко всему нужно отыскать именно змею противоположного пола. А выданная мной пилюля, притупляющая яд, всего одна. — Муянь впервые за все время выдал столь длинную речь.

— И что с того? По-твоему, я не смогу ее найти? Три дня? Будь у Му Сяньчэня запас прочности всего на три дня, он бы давно был на том свете. К тому же у нас осталась половинка пилюли, а синтезировать из нее полноценное противоядие для меня — пара пустяков. — Бай Яфэй извлекла на свет ту самую половинку пилюли. Как она могла позволить Му Сяньчэню проглотить спасительное средство целиком?

— Ты скормила ему лишь половину таблетки, а значит, должна сварить противоядие всего за два дня. Ты уверена, что справишься?

— А ты как думаешь? Через два дня вылетаем в Долину Карлис в Англии. — Сейчас она собиралась прогулять уроки, чтобы дома заняться разработкой лекарства!

— Хотя я и знаю, что ты вряд ли прислушаешься, но обязан предупредить: Долина Карлис — место невероятно опасное, так что лучше запасись всем необходимым.

Панковское примечание автора: сегодня выкладываю все шесть глав разом. Завтрашнее обновление по количеству комментариев прибавит еще тысячу... Внезапное отравление [3].

— Хотя я и знаю, что ты вряд ли прислушаешься, но обязан предупредить: Долина Карлис — место невероятно опасное, так что лучше запасись всем необходимым.

— Опасно? Ты полагаешь, я испугаюсь? — усмехнулась Бай Яфэй.

— А если я скажу, что вовсе не собираюсь ехать в Долину Карлис? — На его лице не дрогнул ни один мускул: он вовсе не благодетельный спаситель мира.

— Тогда составишь ему компанию в могиле. — Взгляд Бай Яфэй стал холоднее любого ледника.

— Ты и впрямь думаешь, что я тебя боюсь? — На фоне ледяной ярости Бай Яфэй Муянь по-прежнему оставался воплощением белого лотоса — гордого и неприступного.

— Ха, даже если мне придется завтра привязать тебя к себе, я все равно потащу тебя туда. — Компания в могиле? Из-за одной лишь могилы смерть Му Сяньчэня не станет искуплением.

— Привязать? — Покрутив на пальце маленькую серебристо-белую змейку, Муянь позволил уголкам губ слегка приподняться. На лице расцвела едва заметная улыбка.

Бай Яфэй прищурилась, и все ее тело вновь окутала опасная аура.

— Му Чэньюэ, разве он не твой приятель? — Яцин перевела взгляд на Му Чэньюэ, указывая на Муяня пальцем.

— М-м... да! — Выражение лица Му Чэньюэ сделалось несколько странным.

— Сделай так, чтобы он согласился ехать, чего бы это ни стоило! — властно приказала Яцин, приняв вид королевы.

— Ну, тут я бессилен... — Му Чэньюэ беспомощно развел руками. Перед лицом такого грозного будды, как Муянь, он был не в силах качать права. К тому же, с чего вдруг Яцин командовала им во всем, а в итоге всё перевернулось с ног на голову?

— Слушай меня внимательно! Должен, обязан, непременно поедешь!

— Я поеду. — Маленькая змейка в руках Муяня свернулась клубком и принялась зарываться в складки его одежды.

Столь внезапная перемена заставила Бай Яфэй и Яцин на мгновение лишиться дар речи.

— Готово. — Между пятью пальцами Бай Яфэй заблестели четыре круглые пилюли. Конечно, не четыре, а целых восемь — рук-то две.

Сутки упорного труда принесли плоды: удалось состряпать всего восемь пилюль. Если одна штука поддерживает Му Сяньчэня в течение трех дней, то восьми хватит на двадцать четыре. Срок ни длинный, ни короткий.

Сняв прозрачные белые перчатки, девушка легко смахнула со лба пару капель пота. — Наконец-то закончила.

— Сестрица Яфэй, ты так устала. — Яцин протянула ей чашку с ароматным чаем.

— А я разве не устал? Почему ты ко мне не относишься с такой заботой? — Глядя на дымящуюся чашку в руках Бай Яфэй, Му Чэньюэ исходил белой завистью. Ему одному ведомо, сколько времени и сил он угрохал, выполняя безумные поручения Яцин и выискивая нужные травы. Сюрприз — трое переведенных учеников [4].

— А я разве не устал? Почему ты ко мне не относишься с такой заботой? — Глядя на дымящуюся чашку в руках Бай Яфэй, Му Чэньюэ исходил белой завистью. Ему одному ведомо, сколько времени и сил он угрохал, выполняя безумные поручения Яцин и выискивая нужные травы. Сколько энергии на это ушло.

— Такой здоровый амбал, а уже хнычешь из-за какой-то ерунды. — Яростно зыркнув на Му Чэньюэ, Яцин расплылась в лукавой улыбке и повернулась к Бай Яфэй. — Фэй-Фэй, ты устала? Хочешь, я разомну тебе спину?

— Не нужно. Лучше отнеси эту половинку пилюли Му Сяньчэню. Да, Му Чэньюэ, в какой он комнате? — Ввиду нехватки времени и расстояний компания прямиком заселилась в особняк Му Чэньюэ.

— Первая дверь слева. — Му Чэньюэ из глубины души люто ненавидел Бай Яфэй! И почему же? Этот вопрос он и сам себе задавал. С чего вдруг Яцин так привязана к Бай Яфэй?

— Предоставь это мне. — Забрав у Бай Яфэй злополучную половинку пилюли, Яцин пулей метнулась в комнату Му Сяньчэня.

— Эй, Му Яцин, ты хоть изредка можешь проявить ко мне доброту? Я ведь ради тебя душу наизнанку выворачиваю. — Этот человек просто лишен сердца! Никакого внимания к его персоне.

— Спасибо тебе. — Не оборачиваясь, Яцин махнула Му Чэньюэ рукой. И пусть при первой встрече этот парень показался слишком напыщенным, самовлюбленным, противным и вечно выводящим ее из себя, в целом он был неплох.

— Впервые за все время услышал от нее спасибо, — польщенно протянул Му Чэньюэ.

— Му Чэньюэ, я жутко проголодалась. В вашем доме найдется что поесть? — День выдался тяжелым, хотя она ничего толком и не делала, но голод дал о себе знать. Живот Яцин уже вовсю урчал.

— Ничего нет. — Пот градом катился по его лбу: сам весь день крутился как белка в колесе, откуда у него еда?

— Такой огромный дом, и в нем шаром покати, никакой еды. — Яцин недовольно надула губки. И где среди ночи искать харчевни?

— В холодильнике вроде что-то было, но я готовить не умею. — Потратив уйму сил на поиски холодильника в хоромаш Му Чэньюэ, они распахнули дверцу: съестного полно, но всё исключительно в сыром виде. Бай Яфэй впала в ступор. — Яцин, а ты уметь готовить? — Хотя они водились давно, стряпни за подругой она отродясь не замечала. Но спросить стоило — за спрос денег не берут.

— Я тоже не умею. — Беспомощно помотав головой, Яцин перевела на Му Чэньюэ полный обиды взгляд.

— Ну... вообще-то я умудрился спалить пять кухонь. — На лбу Му Чэньюэ выступили капли пота. Все науки давались ему с лёту, но стоило зайти на кухню...

— Проехали. — Яцин обреченно вздохнула... Кулинарные изыски на обеденном столе [1].

— Проехали. — Яцин обреченно вздохнула.

Динь-дон. Динь-дон.

— Кажется, голодными мы не останемся. — Губы Бай Яфэй изогнулись в манящей улыбке. Кто бы ни пожаловал, будь он хоть черт лысый — всех маршем на кухню.

— Правда? — Вспыхнув от возбуждения, она распахнула входную дверь. Яцин остолбенела: — А? Почему это ты?

— Цзи Юйянь?!

<http://bllate.org/book/22031/2290418>